

Алексей Маслов

Китай 2020

Пандемия, общество и глобальные альтернативы

Алексей Маслов

**Китай 2020: пандемия, общество
и глобальные альтернативы**

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 232.2
ББК 84(5Кит)

Маслов А. А.

Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы /
А. А. Маслов — «РИПОЛ Классик», 2021

ISBN 978-5-38-613753-3

Что происходит с социальной ситуацией и экономикой Китая в 2020 г. и насколько она устойчива под ударами эпидемии? В чем реальная суть противостояния США и КНР, почему оно столь резко обострилось именно в период пандемии и как поведет себя Европа на этом фоне? Как и почему Китаю удалось в столь короткие сроки почти одолеть эпидемию и насколько был откровенен Пекин в своей информации по поводу масштабов заболевания? Эта книга, состоящая из серии очерков и отдельных статей, создавалась в тот момент, когда пандемия даже не вступила в стадию своего завершения. Поэтому дать целостную и непротиворечивую картину в этих условиях весьма сложно. Мы обсудим то, как развивалась ситуация в Китае, какие меры предпринимал Китай для стабилизации собственной экономики и на каком международном фоне это происходило. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 232.2
ББК 84(5Кит)

ISBN 978-5-38-613753-3

© Маслов А. А., 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

Введение	6
Глава 1	10
Как КНР вышла в мировые лидеры?	10
Моделирование мечты	13
Основные вызовы Китаю к началу 2020 г	17
Резкое замедление роста ВВП: преддверие кризиса или «новая нормальность»?	23
Преодоление ловушки среднего уровня доходов в КНР	28
Новый цикл стимулирования экономики	31
«Выход вовне» в конце 2010-х	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Маслов

Китай 2020. Вирус, экономика и глобальные альтернативы

Copyright © 2020 Алексей Маслов

All rights reserved. Все права защищены

© Маслов А. А., 2020

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

Маслов Алексей Александрович, профессор, доктор исторических наук, известный российский китаевед, директор Института Дальнего Востока РАН, профессор НИУ Высшая Школа Экономики.

РИПОЛ
КЛАССИК

Alexey Maslov. China 2020: Virus, Economy and Global Alternatives

The 2020 pandemic and economic impact are changing the world, modifying its political and economic relations. It changes the way people think by demonstrating them all the fragility of modern civilization, which has created unique technologies, established many international organizations, developed stable connections between them, but remained unprotected against the virus and its social, political and economic consequences.

What will happen with Chinese society and economics and how sustainable are they under the impact of the epidemic? What is the real reason for the US-China standoff, why did it escalate so sharply during the pandemic and how will Europe and Russia behave against this background? How did China manage to overcome the coronavirus epidemic in such a short period of time, and how frank was Beijing providing information about the scope of the disease?

This book includes a series of academic essays and was written at a time when the global pandemic had not even entered its final stage yet. Therefore, it is challenging to give a complete and consistent picture of the situation. The main task was to show how China responded to economic, social, political and epidemiological challenges in 2020.

Введение

4 апреля 2020 г. над Пекином прозвучал протяжённый трехминутный сигнал воздушной сирены, и весь Китай застыл в траурном молчании. Руководство страны, склонив головы, стояло перед воротами государственной резиденции Чжуннаньхай, сотни тысяч рабочих, служащих застыли по всему Китаю. Это было не только актом поминовения жертв эпидемии коронавируса (COVID-19), но и символическим указанием на то, что одержана окончательная победа в борьбе с эпидемией, и Китай возвращается к нормальной жизни. За несколько дней до этого китайские врачи, которые работали в эпицентре эпидемии, столь же символически, под камеры, снимали с себя защитные маски, а руководитель КНР Си Цзиньпин посетил Ухань – город, с которого все началось, и в котором должен был закончиться один из самых сложных периодов в новейшей истории Китая.

Этому предшествовала почти трехмесячная остановка большей части промышленности, работы предприятий, прекращения грузовых и транспортных перевозок, строжайший карантин, который затронул десятки миллионов человек. Более масштабной остановки производства и более массового карантина мир еще не знал. И опыт Китая, опыт поиска быстрых решений, который первым вступил в полосу эпидемии и экономического торможения, является уникальным для всего мира.

И главная проблема заключалась в том, что Китай был первой страной, который столкнулся с эпидемией COVID-19 и его экономическими последствиями. Никакого опыта действий в такой ситуации не было. Китай на себе испытывал разные модели социального и экономического поведения, которые уже потом пытались копировать другие страны. Но скопировать в чистом виде их просто невозможно, поскольку только Китай обладал двумя важными особенностями: огромной финансовой «подушкой», которая и позволила ввести экономику в «искусственную кому» на несколько месяцев, а затем и вернуть ее к жизни: и способностью перевести жизнь части страны на мобилизационные рельсы в кратчайший срок. Таким образом сработали не какие-то отдельно взятые меры, а сама система, которая создавалась Китаем за последние сорок лет.

8 апреля власти Китая официально объявили, что город Ухань полностью открылся после почти 11-недельной строгой изоляции. В первый же день снятия карантинных мер и возобновления железнодорожного сообщения примерно 55 000 человек покинули город. Из города также вылетело более 100 авиарейсов – впервые после того, как 23 января были закрыты все взлетно-посадочные полосы, а также автомобильные и железные дороги.

В тот же день в Пекине под руководством генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина прошло заседание Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, посвящённое борьбе с коронавирусом и возобновлению работы экономики страны. На заседании было констатировано, что Китай, в целом, справился с ситуацией, связанной с распространением COVID-19. И все же сложности остались. Они связаны, прежде всего, с потенциальной опасностью второй волны заражения, которая может прийти в Китай вместе с приезжими, в том числе и с гражданами КНР, которые возвращаются из-за рубежа, и иностранцами, которые работают в Китае. Приходится вводить новые ограничительные меры, а это в свою очередь сдерживает рост экономики. Однако и в этой ситуации Китай решил применить старый проверенный рецепт: чтобы оживить экономику, надо наращивать общую динамику роста спроса и предложения путем активного стимулирования внутреннего потребления и ускорения развития инвестиционных проектов.

И все это происходило на фоне того, что весь мир с конца февраля погружался в пандемию, которая официально была объявлена Всемирной Организацией здравоохранения 11 марта.

Согласно китайской статистике, более 50 300 человек в городе Ухань переболело коронавирусом, скончались почти 3 900 человек. Всего же в провинции Хубэй, столицей которой и является Ухань, переболели более 68 000 человек и скончались 4 512. Именно эта провинция приняла на себя основной удар в период коронавируса: 75,2 % от всех заболевших и 97,2 % всех умерших. При этом летальность COVID-19, например, по Китаю на середину июня 2020 составила 5,5 %, по миру – 11,51 %¹.

Волны болезней, вирусов и природных катастроф время от времени накрывают человечество тяжелой затяжной волной. И практически каждый раз такие волны сопровождаются ростом апокалиптических настроений – предсказаний того, что «все закончилось» и «это гибель всего, что создано до этого». В разные эпохи эти апокалиптические настроения обретали разную форму, и «конец света» представлялся по-разному: от краха старого мира и прихода мессии до страшного финансового кризиса, тотального обнищания и вымирания человечества. Идеи не менялись – менялась лишь их подача. Менялся лексикон, через который пытались выразить ужас и отчаяние от происходящего.

Пандемия COVID-19 с точки зрения социального эффекта не несёт в себе ничего нового, просто сама эта эпидемия происходит в новых условиях. И именно информационная прозрачность мира, глобализация, «связанность» воедино политики, торговли, национальных бюджетов, перевозок, глобальных инфраструктур придаёт нынешней, в реальности крайне незначительной эпидемии, черты миллениаристского конца.

Главный фактор – это человеческое сознание, восприятие того, что происходит не столько в реальной жизни общества и экономике, сколько в виртуальном пространстве. Коронавирус уже не заболевание, это – отличный информационный повод. Он живет самостоятельной жизнью в медийном пространстве, и многие, наблюдая за ним, наверное, чувствуют себя как в иммерсивном театре или интерактивной онлайн игре. Они могут изменять условия игры, например, запускать слухи, переходить на новый уровень сложности (пугать друг друга невероятной летальностью). Это, с одной стороны, страшно, но, с другой стороны, «это не с нами», это просто такой «ужастик», на который смотрят со стороны. Но нельзя, запуская какой-то слух, иметь возможность от начала и до конца контролировать его существование, с какого-то момента он живет отдельной жизнью, именно слух становится настоящим «героем», а не реальные события.

Итак, первый фактор, который отличает нынешнюю кризисную ситуацию от всех остальных: все события происходят в едином и, благодаря интернету, прозрачном для всех информационном пространстве. Человечество получило возможность наблюдать за распространением вируса онлайн, и если в первой фазе, в январе-феврале 2020 г., это воспринималось как просмотр увлекательного фильма-катастрофы, то во второй фазе, когда эпидемия в марте пошла по всему миру, оказалось, что «апокалипсис» происходит абсолютно везде и нет по-настоящему полностью безопасного места.

Второй фактор: теснейшая взаимосвязь самых разрозненных процессов, влияющих друг на друга по «принципу домино», и то, что начиналось как «китайский вирус» весьма стремительно переросло в мировую пандемию и тяжелейший экономический стресс.

Третий фактор: «ускорение времени» воздействия процессов на социум. Понадобилось меньше полугода, чтобы человечество вошло в глубокий экономический кризис, осознало свою неспособность скоординировано противостоять вирусу, создало ряд новых разломов и конфликтов, убедилось в несостоятельности ряда международных организаций.

Китай первым в мире начал восстановление своей экономики после эпидемии и вместе стагнации вступил в полосу активного роста. Парадоксальным образом темпы роста его экономики к 2022 г. могут превзойти темпы 2019 г., и Китай будет задавать новые модели как геоэкономического, так и геополитического развития. Каким будет мир в новой концепции Китая, какие перспективы это открывает для других стран, в том числе и для России?

* * *

За период первого полугодия 2020 г., я, как и многие мои коллеги, прочитал десятки онлайн лекций как для российских, так и для зарубежных участников, в том числе и тех, кто не является специалистами по Китаю, но хотел бы понять, что происходит с одной из крупнейших стран мира. Что будет с экономикой Китая и насколько она устойчива под ударами эпидемии? В чем реальная суть противостояния США и КНР, почему оно столь резко обострилось именно в период пандемии и как поведет себя Европа на том фоне? Как и почему Китаю удалось в столь короткие сроки одолеть эпидемию и насколько был откровенен Пекин в своей информации по поводу масштабов заболевания?

Из ответов на эти вопросы и состоит эта книга. И чтобы хотя бы в общем ответить на них, мне приходилось «оглядываться назад» и размышлять о том, в каком состоянии Китай подошел к началу 2020 г. – к моменту коронавирусной атаки.

Это книга – не хронология борьбы Китая с коронавирусом, не история «перезапуска» китайской экономики – это совокупность множества сюжетов, которые разворачивались в январе-июне 2020 г. на фоне мировой пандемии. Эта книга, состоящая из серии очерков и отдельных статей, создавалась в тот момент, когда пандемия в мире даже не вступила в стадию своего завершения, при этом Китай уже снял карантин со всех городов, а деловая и общественная жизнь забурилась с новой силой. А потом, в мае ряд регионов Китая опять оказался под карантином, и многие заговорили об опасности «второй волны». Поэтому дать целостную и непротиворечивую картину в этих условиях весьма сложно. Мы обсудим то, как развивалась ситуация в Китае, какие меры предпринимал Китай для стабилизации собственной экономики и на каком международном фоне это происходило.

Нашей главной задачей было показать, как Китай реагировал на экономические, социальные и эпидемиологические вызовы. Для объяснения этих реакций нам понадобилось обсудить, с каким запасом прочности подошел Китай к 2020 г., какие проблемы перебалансировки экономики встали перед страной, как Китай планировал создавать новые драйверы роста (Глава 1). В рамках этого весьма показательна быстрая мобилизация всей социально-экономической и административной системы перед лицом внезапного вызова и для создания самого строгого в мире карантина, обеспечения жизнедеятельности людей и введение части промышленности Китая в «искусственную кому», а также проблема происхождения самого вируса в ее политическом контексте (Глава 2). Для выхода из этой «экономической комы» Китай применил максимально широкий набор мер: от количественного смягчения до стимулирования развития потребительского рынка, налоговых и кредитных льгот, быстрого восстановления экспортно-импортных операций, стимулирования деятельности специальных экономических зон и привлечения инвестиций, а также модернизации некоторых аспектов своей инициативы «Пояс и Путь» (Глава 3). Даже в этих условиях Китай стремился не столько «латать дыры», сколько инвестировать в новые и перспективные области, чтобы именно они в дальнейшем и стимулировали рост страны. В первую очередь такими областями стали технологии искусственного интеллекта, робототехники, управления большими базами данных. К тому же, как показала ситуация с уходом миллионов людей на карантин, именно глубокое внедрение самых разных онлайн-технологий в предыдущие годы и позволило Китаю относительно безболезненно перенастроить свою жизнь и бизнес-процессы в сети, и на фоне эпидемии COVID-19 продолжить активное внедрение своей суверенной цифровой валюты (Глава 4). И в период пандемии Китай подвергся яростной и весьма изощренной атаке прежде всего со стороны США, причем под ударом оказались как экономические, так и политические достижения КНР, а также идеология страны (Глава 5). В эту книгу также включены некоторые интервью и пуб-

ликации, которые выходили с 2020 г., и они весьма точно отражают, как менялось мнение и подходы за столь короткий период (Глава 6)

Пандемия 2020 г. и все, что с ней связано, очевидно меняет мир, меняет его политические, экономические взаимосвязи. Она меняет мышление людей, показывая им всю хрупкость современной цивилизации, которая создала уникальные технологии, создала множество международных организаций, наладила устойчивые связи между ними, но так и осталась беззащитной против вируса и его последствий. Эта ситуация позволяет всем людям проверить себя на уровень нравственности, способности сочувствовать и помогать друг другу. Это именно испытание всего человечества. Пандемия пройдет, стабилизируется и «упавшая» мировая экономика, но важно, какие отношения сложатся после этого между странами, людьми и экономикой. И какая страна или блок стран сумеют предложить новую модель не только для собственного развития, но и для всего мира. Очевидно, что это будет другой мир. И, возможно, другой Китай.

* * *

Работа над книгой завершена 1 июля 2020 г. и отражает ситуацию на тот момент.

Глава 1

Преддверие. Китай накануне коронавируса атаки

Как КНР вышла в мировые лидеры?

В чем секреты поразительных успехов Китая 90-х-2000-х гг.?¹ Китай был одной из самых успешных стран мира на протяжении тысячелетий, его система организации труда, хозяйственная структура позволяли Китаю практически по всем параметрам, в том числе и по производительности, значительно опережать доиндустриальную Европу². Китай ослабел в середине XIX века, когда в результате неудачной модели развития и двух Опиумных войн он был разделен западными державами на сферы влияния. Затем несмотря на попытки хозяйственных и административных реформ в 30-х гг. XX в., у правительства Китая не хватило времени и средств для их завершения – началась затяжная японо-китайская война (1937–1945 гг.), ставшая частью Второй мировой войны. После последовал период восстановления хозяйства 50-х гг. при огромной поддержке СССР, эксперименты в политике, идеологии и экономике 60-70-х гг., приведшие страну к чудовищной стагнации, почти полной политической изоляции и перевернувшие сознание населения.

Но даже после этого, когда в политике царил хаос, а хозяйство пребывало в глубоком кризисе, Китай сохранил очень развитую культуру, науку и подготовку кадров. И новый подъем начался с того, что Дэн Сяопин в конце 70-х гг. вернул стране тот характер экономики, который ей был свойственен с древности. Это, с одной стороны, абсолютная свобода предпринимательства на нижнем и среднем уровнях, а, с другой, контроль государства над всеми базовыми отраслями – финансовой, энергетической, металлургической, машиностроительной. В КНР не произошло и приватизации, правительство продолжало поддерживать государственный сектор промышленности даже в ту пору, когда он приносил убытки и во многих случаях делает это и сейчас.

При этом руководство компартии повело себя очень прагматично. Не отказываясь от коммунистической идеологии, идеи строительства социализма с китайскими характеристиками и не меняя систему политической власти, оно отвергло старые экономические догмы, которые сочло неэффективными для развития страны. В результате впервые в мировой истории в Китае была создана уникальная модель экономики, которая сочетает принципы социализма и капитализма.

Китайские реформы не были ориентированы ни на западные, ни на восточные экономические модели. Дэн Сяопин и его последователи взяли из мирового опыта все самое ценное, «используя западное ради китайского». Уже в 80-ые гг. КНР предоставила беспрецедентные льготы и гарантии безопасности зарубежным инвесторам, которые организовали в стране огромное количество совместных предприятий в сфере производства одежды, обуви, бытовой техники и других экспортных производств. Но, открывая для иностранцев свой огромный потребительский рынок, китайское правительство требовало от них внедрять самые передовые технологии – «рынок в обмен на технологии».

Эта политика в считанные годы превратила КНР в «фабрику мира» и позволила ей заработать колоссальные средства, которые были вложены в науку, производственные инновации, реформирование неэффективных отраслей, строительство высокоскоростных магистралей. Инициатором всех самых крупных проектов всегда выступало государство. Именно оно создавало новые дороги для связи регионов и технопарки для развития молодых инновационных проектов. Именно правительство помогало высокотехнологичным стартапам, независимо

от того, кто их реализует – китайские или иностранные предприниматели совместно с местными компаниями. Главное, что эти проекты развиваются на территории Китая и на благо Китая. В результате по уровню современных технологий китайцы обошли большинство других стран мира.

Государство не пыталось развивать все отрасли экономики сразу, а выбирало приоритетные, устанавливая для них налоговые льготы. И каждый раз, когда Китай сталкивался с экономическими угрозами, он уменьшал налогообложение малого и среднего бизнеса. Так было сделано, в начале 2019 г., когда вспыхнуло торговое противостояние с США. Чтобы поддержать внутренний рынок, китайское правительство в два раза, с 25 % до 12,5 % уменьшило налог на прибыль предприятий, при этом освободив большую часть малых и средних компаний от налога на прибыль вовсе. А чтобы простимулировать потребительский спрос среди населения, была поднята планка ежемесячного заработка, необлагаемого подоходным налогом с 3 тыс. до 5 тыс. юаней. Заодно был снижен и НДС в среднем до 6 %.

С самого начала реформ государство много ресурсов, полученных от экспорта, направляло на социальные программы. Приблизительно к 2010 г. впервые в истории страны были введены пенсии для всех категорий городского, а затем и сельского населения (сама система вводилась с 1998 г., а в 2006 была существенно пересмотрена)³. С момента введения в 2009 году новой социальной пенсионной программы для сельских районов уже к 2013 г. 89 млн человек начали получать пенсионные выплаты. В сочетании с теми, кто получает выплаты по другим пенсионным схемам, это составило 125 миллионов человек, или 60 % лиц в возрасте 60 лет и старше. В период с 2009 по 2012 год доля лиц, получающих пенсию, почти удвоилась – с 30 до 55 %⁴. И хотя выплаты сельским пенсионерам еще очень малы, средний показатель почти в два раза выше российского. Всего до 0,1 % от общего числа населения удалось сократить бедность.

В Китае самая большая система образования в мире – Китай видит в этом залог подготовки нового поколения для технологического прорыва в будущее. Масштабы не могут не поражать, так в июне 2018 года в Китае 9,39 млн студентов сдали национальные вступительные экзамены в высшие учебные заведения. Инвестиции в образование составляют около 4 % от общего ВВП Китая. В 1986 г. китайское правительство приняло закон об обязательном образовании, обеспечивающий девятилетнее обязательное образование для всех китайских детей. Сегодня, по оценкам министерства образования, 99 % населения страны достигло всеобщего девятилетнего базового образования в Китае.

В секторе высшего образования также наблюдается колоссальный рост. В Китае доля населения университетского возраста в сфере высшего образования увеличилась с 1,4 % в 1978 году до более 20 % к 2019⁵. Хотя в Китае формально существует платное высшее образование, государство дотирует вузы и вылепляет стипендии, что, по сути, делает образование бесплатным для студентов. По рейтингу QS 2020 6 китайских университетов вошли в мировой топ-100⁶.

Государство предлагает ряд уникальных социальных программ как для молодежи, так и для зрелых людей. Если, например, человек может найти работу только в другом городе, чтобы помочь ему переехать, государство дотирует на новом месте аренду квартиры.

В китайских органах власти поощряется жесткая конкуренция, строгий отбор и ротация чиновников, а среди руководителей разного уровня много реально талантливых и прекрасно подготовленных людей. А новые китайские миллиардеры не раздражают общество показной роскошью. Их нет среди владельцев самых дорогих яхт и поместий мира. Они покупают не иностранные футбольные клубы, а иностранные предприятия. Простые люди уважают создателей крупнейших китайских компаний не за их бизнес-успехи, а за благотворительность. А

государство, которым руководит коммунистическая партия, борется не с «богатыми людьми», а с коррумпированными чиновниками.

И успех Китая заключается не в том, что его руководители знают какой-то «секрет» и не делают ошибок, а в скорости реагирования на вызовы и готовности исправлять ошибки. Несмотря на кажущуюся ригидность и «тяжеловесность» централизованной модели управления, в реальности китайская система является очень гибкой и обладающей большой скоростью реакции.

Моделирование мечты

Китайская экономика – одна из самых успешных в мире, и об этом можно судить не столько исходя из цифр роста ВВП, сколько по тому, насколько долго этот рост продолжается, а он идет уже почти 40 лет. Начав реформы в начале 80-х гг., Китаю пришлось идти по абсолютно непроторенной дороге, поскольку никакого опыта выведения страны из состояния бедности с более чем миллиардным населением человечество не имело, и многие рецепты Китай создавал самостоятельно. Тактические ходы многократно менялись в зависимости от ситуации, но само стратегическое направление и логика процесса оставались неизменным. Итак, первый «секрет» успешного китайского экономического развития: это долгосрочная стабильность движения вперед.

Второй «секрет»: это изначальная национальная ориентированность экономики. Китай, отличие от России 90-х, не пытался построить «еще одно западное общество», не исходил из абстрактной модели «универсального блага» он не пытался механически перенести на себя модели, созданные в других условиях и для другой страны, не старался вестернизировать или, наоборот, «азиатизировать» экономику (например, по примеру Тайваня, Японии или Южной Кореи), а строил свою модель, не стесняясь использовать многочисленные заимствования. И здесь сработала формула, которая применялось еще в XIX в. в период не совсем удачного «самоусиления» Китая: «использовать западное на благо китайского». То есть само национальное ядро экономики оставалось неизменным и это позволило Китаю не столько «влиться» в мировую экономическую систему, сколько создать свой собственный экономический, а сегодня – и политический макрорегион.

Третий «секрет»: градуальность: постепенность любых внедрений, постоянный анализ последствий, исправление ошибок, – все это отличает китайскую стратегию. Так, первые серьезные реформы народного хозяйства начались в 80-ые гг. не повсеместно по всей стране, а сначала в нескольких регионах, причем с разным культурно-хозяйственным климатом: на юге в провинции Гуандун, в самом центре в провинции Сычуань. Затем в 1980–1984 гг. были созданы первые специальные экономические зоны, произошла частичная фискальная децентрализация, в 90-ые гг. внедрялась поощрительная (а не ограничительная) налоговая система, которая позволила внутреннему рынку «задышать». Иностранцам за счет специальных списков (т. н. «поощрительные области» инвестиций) подсказывали, куда следует направлять средства, но при этом ограничивали и защищали от проникновения иностранного капитала ряд стратегически важных секторов (т. н. «ограниченные области инвестиций», в которых иностранцы не имели права владеть больше 50 % или 75 % акций), что позволило сохранить национальную независимость экономики. Причем это продолжается и сегодня: внутри Китая создаются новые СЭЗЫ и Зоны свободной торговли, причем в тех районах, которые надо стимулировать к развитию. И понимая правила игры, китайские предприниматели устремляются в эти зоны, чтобы воспользоваться льготами логистическими возможностями. Важно отметить, что никакой «шоковой терапии» в Китае не было, народ не испытал удара по собственным кошелькам, по национальному менталитету и не потерял доверие к государству.

И здесь мы переходим к четвертому «секрету»: Китай придерживается политики социально-ориентированного государства, его лозунг, который повторяют все поколения политиков от Дэн Сяопина до Си Цзиньпина – это построение общества «сяокан» #####, то есть «разумной достаточности». Это весьма гибкая и обновленная имплементация идей социализма, адаптированная к конкретно взятой социально-экономической среде.

И все это не декларации, это имеет вполне реальное выражение в абсолютных цифрах. То, что в Китае формально было обозначено, как борьба с бедностью, в реальности имело

значительно более глубокую основу, чем просто повышение доходов населения и подъем их до какого-то социально приемлемого уровня, официально обозначенного как «сяокан».

Так, если сравнивать показатели 1991 и 2018 гг. (мы специально не будем здесь рассматривать совсем «бедные» 80-ые гг.), валовый доход на душу населения вырос с 350 дол до почти 9 500 дол, ВВП с 383 млрд до 13 608 млрд, средняя продолжительность жизни в Китае возросла с 67 лет до 76 лет. Средняя месячная зарплата к 2019 г. подошла почти к 1 тыс. долл. Китай за годы реформ вывел из состояния бедности почти 780 млн человек, это 70 % от общего числа людей, преодолевших черту бедности во всем мире. Китай поднял из бедности 82,39 млн сельских жителей только за последние шесть лет, а уровень бедности снизился с 10,2 % до 1,7 % за тот же период. К 2020 г. бедность должна быть окончательно преодолена. А средний класс сегодня достиг почти 400 млн человек – это люди с другим уровнем потребления, другим качеством рабочей силы, другими навыками и амбициями.

Уровень располагаемого дохода на душу населения в бедных сельских районах Китая в 2019 году вырос на 11,5 % и составил 11 567 юаней (1619 дол). Большая часть этих доходов поступает от сельского хозяйства, аренды жилья и государственных субсидий, при этом рост заработной платы, по официальным данным, в 2019 году составил всего лишь 4082 юаня (573 дол), увеличившись на 12,5 %. По всей стране доходы на душу населения в сельских районах выросли на 9,6 % и составили 16 021 юаней (2242 дол), из которых 6 583 юаня (915 дол) – это заработная плата или чуть более 40 % от общей суммы⁷.

Пятый «секрет»: это воспитание национально ориентированных кадров, что привело к высокому качеству национальных политических, деловых и финансовых элит. Средний китаец ориентирован именно на Китай, он связывает свое будущее с ростом самого Китая, где бы сам он ни жил. Сложно представить в Китае группу «либеральных экономистов», которые предлагали бы перенести западные или, например, японские модели на Китай. Под это же заточена и система образования, то есть под воспитание кадров, которые будут работать в рамках национальной модели экономики будущего. В 2018 году около 662 100 китайских студентов отправились из Китая на учебу за границу, что представляло собой прирост в 11,74 % по сравнению 2017 годом и делает Китай крупнейшей страной происхождения иностранных студентов в мире⁸.

Причем государство не только поощряло обучение за рубежом, но и создало механизмы возвращения выпускников на родину, основав ряд специальных ассоциаций для так называемых «хайгуй» (дословно – «морских черепах» ###) – реэмигрантов и специалистов, вернувшихся в Китай. Руководство государства ввело ряд стимулов, например, программы «Тысяча талантов» и «Десять тысяч талантов» с очень высокими критериями отбора. Си Цзиньпин лично призывал учащихся за рубежом активнее возвращаться на родину, сказав про «славную традицию обучения за границей» в надежде на то, что в дальнейшем эти люди внесут свой вклад в инновационное развитие Китая. И они очень нужны родине⁹.

Шестой «секрет»: у Китая есть свои очевидные амбиции, есть, говоря официальным языком, «китайская мечта» (чжунго мэн ###). За рубежом это многих пугает тем, что Китай стремительно расширяется и предлагает свою инициативу «Пояс и Путь» для максимального увеличения своего присутствия в мире, не всегда эффективно тратя огромные средства. Но для 1,4-миллиардного населения страны это дает новые смыслы развития, оно понимает, зачем и как развивается страны. И люди видят свое, личное место в этой структуре.

Одна из ключевых заслуг лидера Китая Си Цзиньпина заключается в том, что он не просто дал новую надежду китайскому обществу, он подарил ему мечту, точнее – емко артикулировал ряд идей, которые и до этого присутствовали в китайском обществе. Развивающееся общество всегда живет мечтой, неважно, насколько осуществимой она является. Общество без мечты находится либо в глубочайшей стагнации, либо достигло такого уровня процветания,

которое просто заканчивает обсуждением множества несущественных проблем и это также приводит к застою. Си Цзиньпин же заговорил о «китайской мечте» (чжунго мэн ###) как основе совершенного самосознания нации, которая стремится к возвращению экономического и политического лидерства.

29 ноября 2012 г. Си Цзиньпин впервые предложил тезис «Китайской мечты», когда посетил выставку «Дорога к возрождению». «Китайская мечта» 13 раз упоминалась в отчетном докладе на 19-м Съезде КПК в 2017 г. Формально, точного определения «мечты» нет, оно размыто по множеству формулировок, например, «осуществление великого возрождения китайской нации является величайшей мечтой китайской нации в наше время»; «в великой практике социализма с китайскими характеристиками в новую эпоху мы должны использовать сильное руководство партии и упорную борьбу, чтобы вдохновить всю китайскую молодежь на дальнейшее продвижение вперед и объединить величественную силу общей китайской мечты»; «мечты китайского народа тесно переплетены с мечтами народов других стран, и реализация китайской мечты неотделима от мирной международной обстановки и стабильного международного порядка»¹⁰. Так или иначе, это связано, как видим, с идеей, «возрождения китайской нации» и единства с идеями других народов о мирном развитии, то есть она имеет как внутреннее, так и внешнее измерение.

В целом же, успех Китая – не в том, что у него есть какой-то один, уникальный рецепт, а в том, что у него есть система, которая с некоторыми вариациями развивается на протяжении многих десятилетий. И не в том, что он не ошибается, а в том, что способен быстро признавать и исправлять свои ошибки. Нелиберальная система с жестким централизованным управлением оказалось значительно лучше адаптирована к условиям деглобализации и «атомизации» национальных интересов в мире.

Но это не исключает возрождения национально ориентированного мировоззрения, базирующегося на осознании уникальности своих культурных ценностей, идеи социальной справедливости, разделения взаимной ответственности государства и народа. И все это – без примеси ультранационалистической или ультра-политизированной идеологии. Но без изменения экономической модели ничего не заработает, идеология превратится из мировоззрения в насилие – и это Китай прекрасно понимает.

Главная цель видится в том, чтобы создать свою независимую, хотя и не изолированную геостратегическую модель, базирующуюся на своем макроэкономическом регионе (страны «Пояса и Пути»). В этом аспекте важнейшей задачей КНР является создание экономики и такой геоэкономической системы, независимой от системы, которую создали США, при этом Китай для собирания сил, прежде всего новых технологий и экономических ресурсов, воспользовался как раз глобальной системой, которую США же и создали. Именно этот факт – вторжение Китая в глобализированный мир, созданный США уже не в качестве простого «пользователя», но в качестве лидера, пытающегося переопределять правила игры – и стал заботить Вашингтон, как только Китай начал вторгаться в сферу высоких технологий. Пока Китай был «мировой фабрикой», выписал дешева продукцию, постепенно наращивая ее качество, существование растущего Китая встречалось если не с радостью, то с нейтральным отношением. При этом активно распространялась мысль, что Китай является лишь «копистом», неспособным создать ничего действительно нового в области высоких технологий и тем более опередить западный мир. В известной степени такое презрительное отношение даже было выгодно Китаю, которому нужно было обезопасить свои новые наработки и планы, и, самое главное, необходимо было время для того, чтобы достичь хотя бы паритета в ряде ключевых технологий. В 2005 г. Китай запустил Национальную среднесрочную и долгосрочную программу развития науки и техники, рассчитанную до 2020 г.¹¹, а уже в 27 июля 2017 г. – программу «Сделано в Китае 2025»¹², которая и должна вывести Китай на уровень лидирующих высокотехнологич-

ных держав. Но еще в программе 2005 г. ставилась цель «проложить путь к превращению в мировую научно-технологическую державу к середине 21 века».

В рамках этих двух взаимосвязанных программ Китай должен перейти на самообеспечение в большинстве ИТ секторов, ограничивая, где это только возможно, зарубежное влияние. При этом Китай начал активно продвигать свои технологии за рубеж, предлагая своим партнерам по «Поясу и Пути» эффективные технологии 5G, системы искусственного интеллекта, облачные хранилища и т. д. Таким образом, Китай начал создавать не только свой макроэкономический, но и макротехнологический регион. Именно это и стало отправной точкой резкой реакции США, которые сформировали многоуровневую систему атаки на Китай по всем областям, от торговли, до создания представления о «токсичности» и опасности китайских технологий.

Основные вызовы Китаю к началу 2020 г

Эпидемия накрыла Китай в тот момент, когда КНР находилась под влиянием нескольких типов социально-экономических стрессов, которые испытывала вся система. По отдельности ни один из этих стрессов не способен привести к коллапсу всей системы, многие из них были предсказуемы и даже запланированы, например, плавное замедление роста ВВП, преодоление ловушки страны среднего дохода, старение населения. Однако именно совокупность стрессов и прибавившаяся к ним вспышка коронавируса стали очень жёстким испытанием для всей модели развития страны, а атака США на экономику и, самое главное, на имидж Китая, еще больше увеличила нагрузку на социально-политическую и экономическую систему КНР.

Первый стресс можно обозначить как экономический, связанный с истощением старых драйверов роста и необходимостью перехода на новую модель. Китай уже в 2013–2014 гг. начал активную перестройку модели своей экономики, переходя от массового и относительно дешевого производства к выводу страны на уровень высокотехнологической державы, которая стремится стать лидером именно в области инноваций. Старые драйверы роста были либо частично истощены, либо окончательно утрачены. Прежде всего это была утрата драйвера рост за счет экспорториентированной экономики, которая стала менее конкурентоспособной за счет удорожания себестоимости производства и конца «дешевого Китая». Китай ежегодно наращивал экспорт товаров и услуг. Так в период с 2000 по 2017 гг. стоимость услуг, импортируемых Китаем, выросла с 36 до 470 млрд долл.

Формально, экспорт продолжал быть очень высоким. КНР в 2019 году экспортировала товаров по всему миру на сумму 2,499 трлн. дол, что с одной стороны, отражает рост на 9,9 % по сравнению с 2015 годом, но, с другой стороны, это лишь скромное увеличение на 0,2 % с 2018 по 2019 год. При этом по ряду товаров в 2019 г. произошло снижение экспорта, так экспорт системных устройств и телефонов, включая смартфоны, упал на 6,8 %, компьютерных комплектующих и аксессуаров на 28,4 %, плоского стального проката на 16,8 % и т. д.¹³. При этом объем ежегодного китайского экспорта превышает сумму, которую он импортирует из остального мира, то есть у Китая практически со всеми странами – положительно сальдо (с Россией – отрицательное), причем большая часть профицита Китая приходится на торговлю с США и Гонконгом. Всего же торговля Китая составляла в 2018 г. 11,37 % от мирового импорта и 13,45 % мирового экспорта.

Доля в мировой торговле 2018				
Страна	Импорт (млн дол)	% от глобального импорта	Экспорт (млн дол)	% от глобального экспорта
Китай	2,134,982	11,37	2,494,230	13,45
США	2,611,432	13,92	1,665,302	8,98
Германия	1,292,726	6,69	1,562,418	8,43

Источник: <https://comtrade.un.org/data/>

Доля в мировой торговле 2018

Китай постепенно становился и крупнейшим страной-импортером, к 2017 г. импорт товаров в Китай составил около 2 трлн дол, а импорт услуг – около 500 млрд дол, это самый активно развивающийся рынок зарубежных товаров и услуг. С ноября 2018 г. Китай резко уменьшает импортные тарифы на 1 568 видов товаров, включая текстиль, машинотехническую продукцию, целлюлозно-бумажные изделия. Так, решением Госсовета КНР тарифы на импорт электроники уменьшились с 12,2 % до 8,8 %, на текстиль и строительные материалы – с 11,5 % до 8,4 %, на бумагу и некоторые ресурсные продукты – с 6,6 % до 5,4 %. И это уже третий этап снижения импортных тарифов, до этого тарифы были снижены на некоторые виды фруктов и овощей, агропродукцию. Еще в декабре 2017 г. тарифы почти на 200 видов товаров были снижены с 17,3 % до 7,7 %, в том числе на косметику, электрооборудование, минеральную воду, зубную пасту, а на некоторые виды товаров тарифы были вообще обнулены, например, на порошковое молоко и подгузники.

Кредиты, которые в основном выделялись через крупные государственные банки на масштабные проекты, также перестали стимулировать рост, так как они заметно подорожали и перестали быть интересны прежде всего для средних и малых производителей. Скорее наоборот, такой кредит становился обузой для частного сектора, который в любом случае вынужден выплачивать процент, при этом крупные государственные предприятия практически повсеместно оказались в должниках. К тому же такие предприятия накопили большое количество «плохих долгов», что поставило под вопрос не только эффективность государственных предприятий, но и банков, которые выдавали подобные кредиты¹⁴.

Теоретически, востребование долгов с предприятий может привести к прямому банкротству, в том числе и предприятий базового сектора, либо к заметному удорожанию их продукции и, как следствие, к повсеместному удорожанию конечной продукции. Таким образом, образовалась альтернатива, причем любой выбор оказывается негативным.

Народный банк Китая начал резкое снижение процента с 5,7 % с 2014 г. до 4,4 % в 2016 г., а к февралю 2020 г., чтобы смягчить удар от вспышки коронавируса, она опустилась до 4,02 %, к апрелю 2020 г., зафиксировалась на уровне 3,85 %, в то время как пятилетняя ставка осталась на уровне 4,65 %¹⁵. А чтобы люди не держали постоянно деньги на счетах, а пускали их в экономику, банки уменьшили проценты по депозитам – с 3,15 % в 90-х гг., до в среднем 0,6 % в 2000-х и, наконец до 0,35 % с 2013 г.¹⁶ Это несколько оживило экономику, однако принципиально ситуацию торможения не изменило.

Курс китайского юаня, по сути, жестко устанавливаемый государством в лице Народного банка Китая, вызывал сомнения в его устойчивости. США требовали девальвации юаня, чтобы скорректировать торговый дисбаланс, и это пришлось сделать, например, летом 2019 г. В целом же дальнейшее поддержание юаня с помощью внутренних стимулов и агрессивного ослабления кредитно-денежной политики могло скорее ввергнуть Китай в долговой кризис, чем спасти от него.

Второй драйвер, связанный с первым – социально-экономический. Некогда относительно дешевая рабочая сила, которая перестала быть дешевой, учитывая введение целого ряда мер по социальному обеспечению, выплатам в различные страховые фонды, введение обязательных медицинских отчислений со стороны предприятий, которые в ряде случаев достигают 30 %. К этому же прибавился и стабильный рост заработной платы, причем Китай вошел по уровню заработной платы в число одних из самых «дорогих» стран Азии – среднемесячная зарплата достигла 6867 юаней (ок. 1 тыс. дол) юаней на конец 2019 г.¹⁷ А средняя зарплата в 37-ми основных городах Китая к середине 2019 г. достигла 8 452 юаня (ок. 1 230 долл.). При этом крупнейшие города Китая, такие как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, предлагали среднемесячные

зарплаты в 11 204 юаня (1 620 долл.), 10 662 юаня (1 551 долл.) и 10 088 юаней (146 долл.) соответственно. Согласно отчету, опубликованному portalу по подбору кадров Zhaopin.com, для 35,5 % вакансий предлагалась среднемесячная зарплата более 8 000 юаней (ок. 1 150 долл.). И все это делало Китай страной далеко не самой дешевой для иностранных производств и в целом приводило к резкому удорожанию китайской продукции¹⁸.

Рост зарплаты в последние годы шел быстрее, чем рост производительности труда, и Китай столкнулся с известным парадоксом: замедление темпов роста ВВП происходило при формальном росте доходов населения. С этим же связано и стремление к преодолению ловушки страны со «средним уровнем дохода». Поэтому у китайского правительства был непростой выбор: чтобы конкурировать со странами с меньшей себестоимостью продукции (Вьетнам, Индия, Индонезия) пришлось бы сдерживать рост себестоимостью производства, и тем самым тормозить рост доходов населения, оставаясь в ловушке «среднего дохода». В ней оказались Таиланд, Мексика, Индонезия, Индия, Шри-Ланка, чей бурный рост в разные годы затем замедлился и не позволил странам подняться выше по уровню доходов. Либо придется переходить на качественно новый уровень, как это сделали в разные периоды Япония, Южная Корея, Гонконг, увеличивая доходность, но конкурируя уже с другим типом стран, в том числе с США, ЕС, Японией. Китай выбрал второй путь и начал переход с модели массового экспорт-ориентированного производства на модель высокотехнологичного производства. А это требует иного качества рабочей силы и квалификации работников и, естественного, иного качества образования. Все это влечет за собой дополнительные расходы из бюджета, которые могут принести отдачу через 5–7 лет, на которые и рассчитывал Китай.

К этому стоит прибавить еще один вызов: стремительное старение населения, которое идет быстрее, чем в большинстве других стран. Население Китая стареет очень высокими темпами: по прогнозам, доля пожилых людей в возрасте 65 лет и старше удвоится, она возрастет с 10 % от общего числа населения в 2017 г. до 20 % к 2037 году. По прогнозам ожидается, что уже к 2030 году почти 31 % населения Китая будет старше 60 лет¹⁹. ООН прогнозирует, что к 2050 году в Китае будет проживать 366 миллионов пожилых взрослых (это больше населения США – 331 миллион), а доля людей в возрасте 65 лет и старше увеличится с 12 % до прогнозируемых 26 %²⁰. Таким образом как минимум четверть населения не будет участвовать в производительном труде, при этом государство в силу недавнего введения пенсий и отсутствия пенсионных накопительных фондов берет на себя почти всю нагрузку за все эти выплаты.

Возникающий демографический сдвиг в Китае создает значительные социальные и экономические проблемы. Последствия 36-летней политики «одна семья – один ребенок» в сочетании с существенным улучшением ситуации в области здравоохранения способствовали увеличению продолжительности жизни. А постоянно растущий уровень урбанизации (до 60 %) привел к тому, что многие городские семьи уже не хотят иметь больше одного-двух детей, и все это ведет к снижению рождаемости в Китае. Таким образом Китай оказывается перед двумя вызовами сразу: старение населения и уменьшение рождаемости. И хотя политика «одного ребенка» была смягчена еще в 2013 г., коэффициент рождаемости в Китае упал ниже уровня воспроизводства населения (количество рождений, необходимых для поддержания численности населения). Он составил к 2018 г. всего 1,7 ребенка на одну женщину²¹, а для того, чтобы население сохраняло свой размер, коэффициент рождаемости должен составлять около 2,1 ребенка на одну женщину. Одновременно ожидаемая продолжительность жизни в Китае, в основном благодаря улучшению доступа к медицинской помощи в сельской местности, увеличилась с 43 лет в 1960 году до 77 лет в 2018 году. За тот же период младенческая смертность снизилась с 12,8 % до 0,7 %²².

Ожидается, что население Китая достигнет пика примерно в 2025 году и составит около 1,4 миллиарда человек, а затем начнется устойчивое сокращение²³. Рост числа пенсионеров и сокращение числа налогоплательщиков создают значительную нагрузку на бюджет.

Возникла и другая проблема: в Китае насчитывается почти 300 миллионов пациентов с хроническими заболеваниями, страна достигла критической точки, когда ранняя смертность от хронических заболеваний (86,6 % от общего числа смертей в Китае) превосходит смертность от инфекционных заболеваний. И это означает значительно возросшие расходы на медицинские услуги и лечение пожилых и хронически больных людей²⁴.

Как следствие, КНР сталкивается с сокращением рабочей силы из-за старения населения и ростом хронических заболеваний, с удорожанием продукции и услуг, что угрожает подорвать статус Китая в мировом производстве. К этому же прибавляется и борьба с ловушкой страны «со средним уровнем доходов». И это побуждает Пекин конкурировать с Вашингтоном в секторах с высокой добавленной стоимостью, а не просто делать ставку на экспорт дешевой продукции.

Третий, постепенно истощающийся драйвер – некогда стабильный приток прямых иностранных инвестиций вместе с иностранными технологиями, который существовал почти 40 лет, также оказался не столь стабилен, так как в регионе Юго-Восточной Азии появилось немало конкурентов, и хотя ни один из них не мог конкурировать с Китаем, в совокупности они оттягивали на себя и производство, и часть инвестиций.

В целом это привело к замедлению роста ВВП и отдельных областей промышленности КНР. В национальном масштабе ВВП в 2018 г. вырос на 6,6 %, формально достигнув намеченной правительством цели «около 6,5 %», а в 2019 г. рост снизился до 6,1 % – наступила «новая нормальность», когда уже государство не стремится к чисто формальному увеличению ВВП. В целом 17 из 31 региона материкового Китая не смогли достичь своих целей роста на 2018 год. В крупном портовом городе Тяньцзинь ВВП вырос всего на 3,6 % к 2018 году – эти цифры были обнародованы после того, как муниципальные власти признали, что показатели роста в 2016 году были «завышены»²⁵.

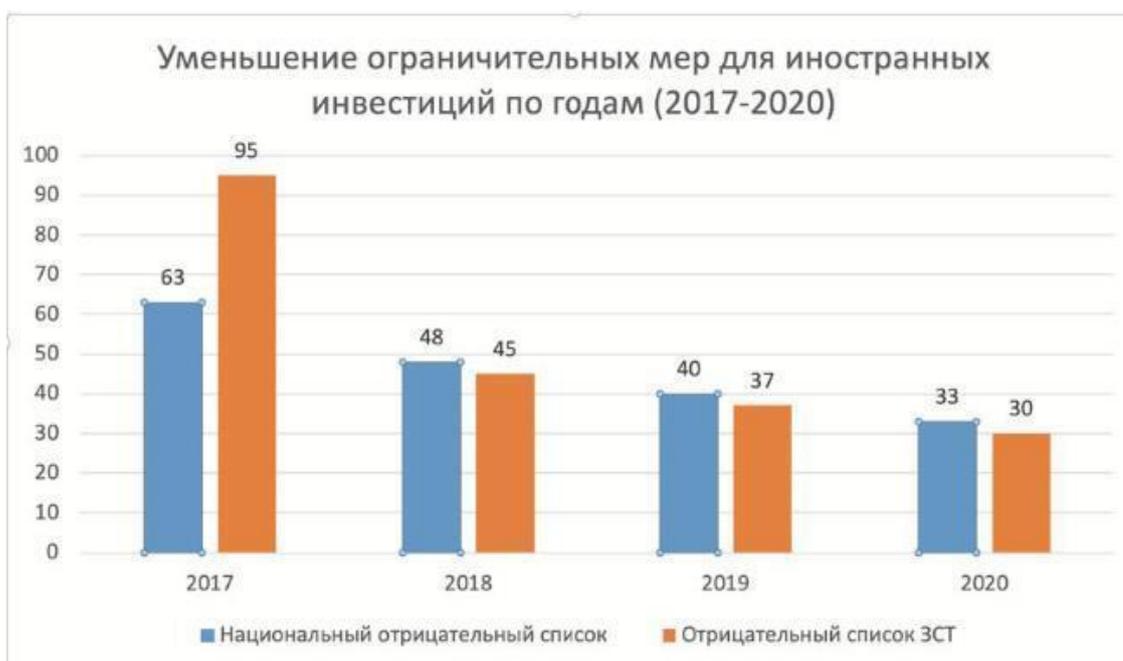
Надо признать, что для Китая рост ВВП больше не является наиболее важным показателем оценки эффективности экономики, так как в силу изменения модели значительно большую роль стало играть само качество продукции и передовые технологии. Медицина, новые материалы, образование, автомобилестроение, искусственный интеллект и связанные с ним технологии, – вот те отрасли, которые становятся ключевыми на фоне роста регионального и глобального спроса.

Китай стремился как можно быстрее смягчить все эти стрессы, например, за счет открытия новых специальных экономических зон и зон высоких технологий, введению юридических и социальных гарантий иностранному капиталу, создавая привлекательные условия для бизнеса даже в таких «дорогих городах» как Шанхай²⁶.

Заметно уменьшается и список секторов, куда иностранцы до этого не имели права направлять инвестиции и вести в них деятельность – так называемые «отрицательные списки». Всего существует два таких списка: один «Национальный отрицательный список»²⁷ и «Отрицательный список Зон свободной торговли»²⁸, которые регулярно обновляются. Например, по сравнению с отрицательными списками 2019 года в новом Национальном отрицательном списке от 2020 года (вступил в силу с 23 июля 2020 г.) число ограниченных для деятельности иностранцев секторов сократилось на 17,5 % с 40 до 33, а в новом Отрицательном списке ЗСТ на 18,9 % с 37 до 30 ограниченных областей.

Например, в финансовом секторе отменены лимиты на иностранную собственность компаний по операциям с ценными бумагами, компаний по управлению фондами инвестиций в ценные бумаги, фьючерсных компаний и компаний по страхованию жизни. В транспортном

секторе иностранным инвесторам больше не запрещается инвестировать в системы управления воздушным движением. В секторах инфраструктуры больше не требуется, чтобы строительство и эксплуатация городских сетей водоснабжения и канализации в городе с населением 500 тыс. и более человек контролировались только китайской стороной. В фармацевтическом секторе были отменены меры, запрещающие иностранные инвестиции в создание средств традиционной китайской медицины. В секторе образования иностранным компаниям теперь разрешено создавать учреждения профессионального обучения. В целом, безусловно, эти меры заметно облегчают работу иностранных компаний на китайском рынке, но не снимают проблему огромной конкуренции с китайскими компаниями и ставят под сомнение возможность возобновления мощного притока средств со стороны иностранных инвесторов.

Вторая группа стрессов – социально-политическая. Она связана прежде всего с волнениями в Гонконге, которые развернулись в 2019 г. и стали самыми крупными протестными выступлениями в Китае за все время существования КНР. Это нанесло удар и по имиджу КНР, и по до этого вполне удачно разливающейся концепции «одна страна – две системы». По сути, Гонконг частично перестал жить нормальной деловой жизнью уже с середины 2019 г., и хотя на фоне вспышки коронавируса выступления потеряли свою остроту, в мае 2020 они возобновились с новой силой. Это же привело к принятию Закона о внутренней безопасности Гонконга 30 июня 2020 г. в рамках которого Пекин по сути ввел прямое управление территорией в случае «существенных угроз для национальной безопасности». События в Гонконге повлияли и на третью группу стрессов – политическую.

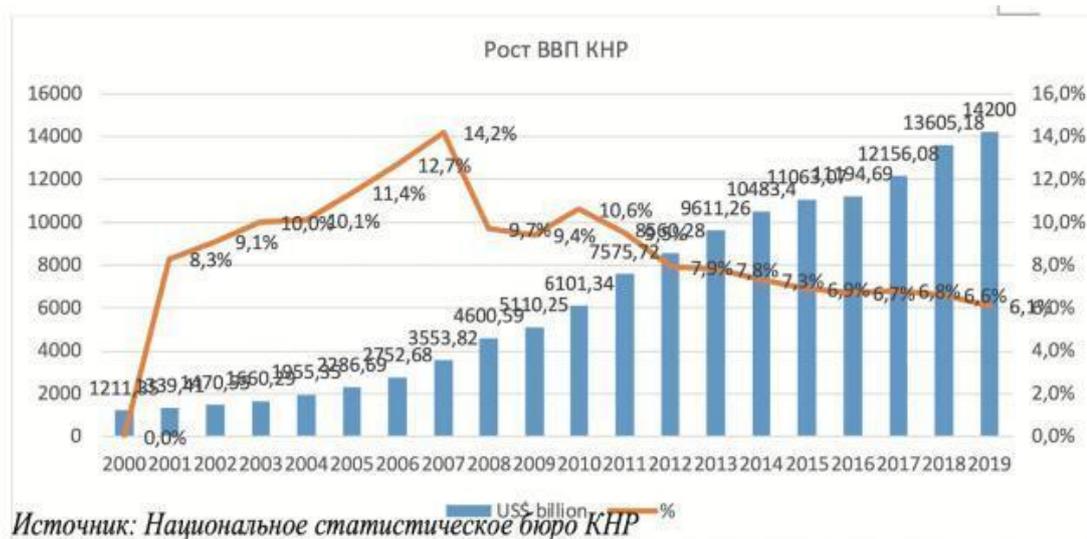
Третья группа стрессов: политико-идеологическая, она связана с тем, что прежде всего США начали систематическую атаку на Китай, тщательно выстраивая «контур изоляции» Пекина. Это шло сразу по нескольким векторам, в том числе обвинения в адрес «коммунистического режима Китая» в нарушении свобод в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в Гонконге, нарушение прав мусульман в КНР. Другой вектор воздействия – это атака на важнейшую инициативу Китая «Пояс и Путь» и на ее ключевой компонент «экономической пояс Шелкового пути», чтобы не дать Китаю создать свой устойчивый макроэкономический регион и широкую сеть китайских инфраструктурных проектов по всему миру.

Четвёртая группа стрессов, тесно связанная с третьей: атака со стороны США на технологический и экспортно-импортный потенциал Китая, на китайские технологии, в том числе на технологических гигантов Китая, типа Huawei, обвинения Китая со стороны Вашингтона в тотальном кибершпионаже, отказ от поставок в Китай передовых технологий и ряда микрочипов, а также отказ от закупок китайского оборудования. Учитывая, что Китай пока очень сильно зависит от иностранных составляющих, это теоретически может заметно затормозить планы Китая, в том числе по реализации проекта «Сделано в Китае 2025» – выход в число мировых высокотехнологических держав.

К этому же прибавляется атака на экспортно-импортные операции Китая, в том числе к концу 2019 г. Пекину пришлось пойти на соглашение о безальтернативной закупке в США товаров на 200 млрд долл. в течение двух лет, что многие восприняли как неспособность китайской системы, тесно привязанной к торговле с США, каким-то образом противостоять давлению и поддерживать свой баланс.

Резкое замедление роста ВВП: преддверие кризиса или «новая нормальность»?

В 2019 г. экономика Китая выросла лишь на 6,1 % – самый низкий показатель за последние 29 лет²⁹. Формально это позволило Китаю выполнить поставленную перед самим собой задачу по поддержанию темпов экономического роста в пределах от 6 % до 6,5 %. Для некоторых стран такие темпы роста – это вообще недостижимый показатель, но после того, как Китай рос до уровня двузначных цифр (2005–2007, 2010), для внешних наблюдателей это показалось началом конца «китайского экономического чуда». И это заставило говорить о том, что любая серьезная социальная или экономическая проблема может в прямом смысле обрушить здание китайской экономики, а за этим – и всей мировой торговли и производства. И, как следствие, первые сообщения о вспышке эпидемии и сначала о частичной, а потом и о почти полной остановке производства заставили мир рассуждать о «китайском коллапсе». Забегая вперед, скажем, что во многом эти рассуждения были обусловлены тем, что простой экономический анализ развития Китая с западной точки зрения без учёта того, как по-настоящему построена китайская экономика и как управляется хозяйство, уже в течение многих лет приводит к странным выводам о скором «крахе Китая». У Китая есть свои «особенности», это прежде всего строго централизованное управление верхним слоем экономики при высокой и вполне либеральной конкуренции на уровне малых и средних предприятий. Это и невысокая эффективность частично дотируемого и при этом очень устойчивого государственного сектора при очень высокой эффективности и конкурентности МСП, это постоянное оперирование разными преференциями, налоговыми льготами, созданием специальных зон, но не в пользу отдельных предприятий, а в пользу всех участников рынка. И это жесткий контроль над финансовой сферой, ключевыми системообразующими предприятиями и стимулирование самых передовых технологий. И здесь государство выступает в качестве основного централизованного «менеджера» и к тому же очень жесткого «ментора» развития всего бизнеса в стране. Больше всего внешних наблюдателей пугало стабильное замедление роста ВВП.

В абсолютных цифрах прирост ВВП продолжался уже с 1991 г. (было лишь небольшое снижение в 2016 г.), но сами темпа роста с 2011 г. замедлялись. С середины 2018 г. Китай был втянут в торговое противостояние с США, которое завершилось «первой фазой» сделки

– она обязывала Китай закупить в США в течение двух лет американских товаров на 200 млрд долл. Причем закупить в безальтернативном порядке, «отодвинув», очевидно, многих других своих партнёров.

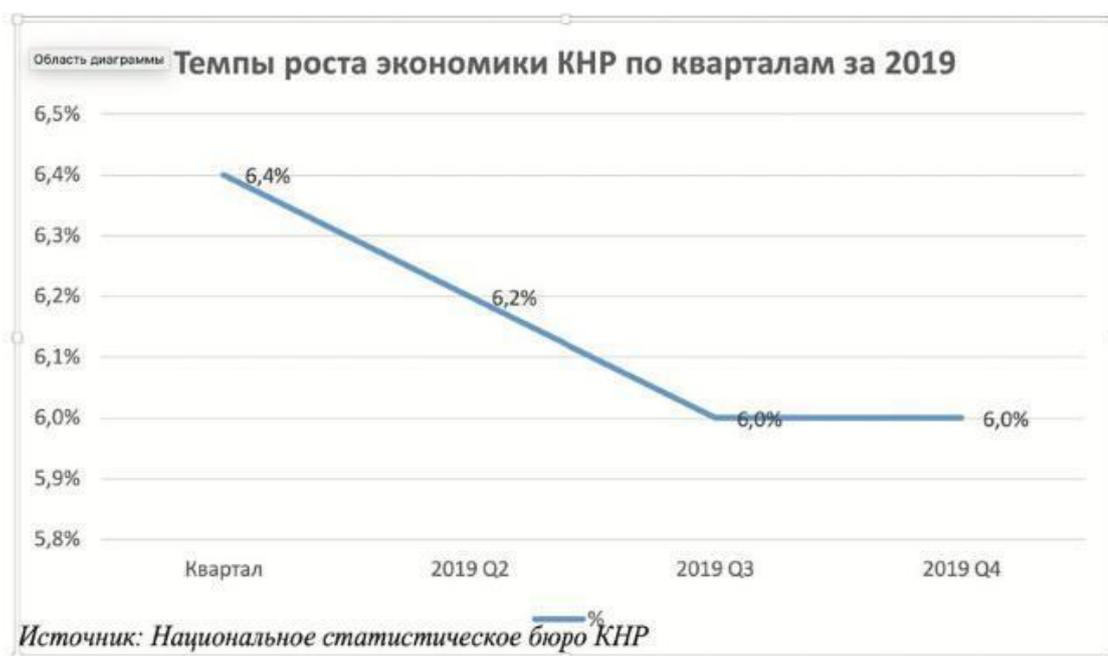
Поэтому китайская экономика тормозится, но в разные периоды и в разных секторах – разными темпами: все зависит от региона. Торможение шло вполне «плановое»: официально по итогам первого полугодия рост ВВП составил 6,3 % (по 2018 г. – 6,6 %). По кварталам темпы роста также показали плановое снижение.

В 2019 г. заметно проявились и региональные дисбалансы, например, южные регионы Китая развивались заметно быстрее центральных и северо-западных. На первую половину 2019 г. провинция Хэйлунцзян показала один из самых низких темпов роста в Китае – 4,3 %, хотя по плану должна была расти до 5 % (и это уже ниже среднего по Китаю). Ещё хуже обстояла ситуация с провинцией Цзилинь, где рост составил 2,4 % в первом квартале 2019 г. при целевых показателях 5–6 % в год. Также нехорошо обстоят дела еще с одной северо-восточной провинцией Ляонин – 5,8 %, а намечено было 6,3 %. При этом приморские провинции, как всегда, выглядели неплохо, хотя и немного «просели»: Фуцзянь – 8,1 % (целевой показатель 8–8,5 %), Чжэцзян шел с опережением – 7,1 % (план – 6,5 %). Город Шэньчжэнь – центр высоких технологий и массовых электронных производств – показывал рост 7,4 %, географически близкий ему провинциальный центр Гуанчжоу рос на 7,1 %, южные города Дунгуань и Фошань – 6,9 %. Южная провинция Юньнань росла на 9,2 %, Гуйчжоу – на 9 %, Цзянси – на 8,6 %, и это – самые быстрые темпы роста по Китаю.

Все, казалось бы, происходит в рамках традиционной модели: приморские районы и юг растут (или, по крайней мере, не падают), промышленный север тормозится. Падение северо-восточных – старых индустриальных регионов – происходит из-за их технической отсталости по отношению ко всему остальному Китаю. Есть и существенные падения, так экономика города центрального подчинения Чунцин в 2010 г. росла на 17,1 %, а в 2018 г. упала до 6 %. В первом полугодии 2019 г. – вообще кризис, рост 2,5 %.

Рост ряда провинций шел во многом за счёт расширения экспорта, так стремительно развивающаяся южная провинция Юньнань увеличила экспорт на 21,4 % в первом полугодии 2019. Другие районы росли за счёт инфраструктурных инвестиций – это старая модель регионального роста в Китае. Так, инвестиции в основной капитал в Гуйчжоу в первом полугодии составили 12,3 %, что вдвое больше, чем в среднем по стране – 5,8 %. Хубэй вырос на 10,8 %, отчасти из-за увеличения инвестиций в инфраструктуру на 16,9 %³⁰.

Официальный показатель роста на протяжении четырех кварталов 2019 г. плавно замедлялся – в первом квартале его темпы составили 6,4 %, во втором – 6,2 %, а в третьем и четвертом по – 6 %, а по итогам всего года 6,1 %.

Таким образом, еще до вспышки COVID-19 экономика Китая замедлялась: в 2019 году она выросла на 6,1 %, что является самым медленным темпом роста за 29 лет. При этом многие аналитические компании давали значительно более низкие показатели роста, так оценка роста ВВП аналитиков агентства TS Lombard составила 4.1 % в 4 квартале 2019, что тем не менее являлось заметным улучшением по сравнению с 3.7 % в 3-м квартале³¹. В целом же, официальным цифрам развития экономики КНР, которые приводили китайские агентства, в этот момент многие не доверяли и считали, что Китай приближается к экономическому кризису из-за неправильно выбранной, «нелиберальной», «коммунистической», «нерыночной» модели экономики, а прилавки магазинов ежегодно заполняли книги с говорящими названиями: «Приближающийся коллапс Китая» (2001), «Споткнувшийся гигант: Угрозы будущему Китая» (2013), «Китайский кризис. Как экономический крах Китая приведет к глобальной депрессии» (2013), «Способен ли Китай лидировать (2014)», «Грядущая война Китая с Азией» (2015), «Конец дешевого Китая» (2014), «Кризис китайского успеха» (2017), «Демократия в Китае. Приближающийся кризис» (2019)³².

За 35 лет с 1978 по 2013 год ежегодный рост китайской экономики составлял в среднем около 10 %, а в период с 2003 по 2007 год – более 11,5 %. Наряду с этим произошло изменение судьбы нескольких сотен миллионов китайцев, которые были выведены от крайней нищеты. Однако «старые добрые времена» не могут длиться вечно. Рост замедлился до 6,7 % в 2016, до 6,5 % в 2018 и до 6,1 % в 2019. Китайское руководство заговорило о «новой нормальности» в экономическом развитии, при которой уже не должно быть взрывного роста ВВП, но при которой экономика будет переходить на модель роста за счет инноваций, а не инвестиций.

Власти уже к 2014 г. сообщили, что в Китае наступает «новая нормальность» – замедление темпов роста экономики при изменении ее качества. Приблизительно с 2013–2014 гг. массовое товарное производство заменяется высокотехнологичным, более дорогим, но одновременно и более перспективным для будущего развития. На такую «переориентацию» требуется время, и самое главное – новое качество рабочей силы, более квалифицированные работники, которых сумел подготовить Китай в течение последних десятилетий. Но в любом случае переходный период обычно сопровождается торможением темпов роста и диспропорциями.

Поэтому еще в 2014 г., выступая на саммите АТЭС в Пекине, Си Цзиньпин обозначил несколько важнейших позиций по переходу к «новой нормальности» в экономике. Во-первых,

как он считал, экономика переключилась с прежней высокой скорости на «средне-высокую» скорость роста. Во-вторых, экономическая структура постоянно совершенствуется и модернизируется. В-третьих, экономика все больше движется за счет инноваций, а не ресурсов и инвестиций³³. Таким образом Китай объявил о переходе с ресурсно-инвестиционной экономики, на инновационно-технологическую. Однако сам переход может занять длительный период, причем в случае этого перехода Китай вторгается в сферу монопольной деятельности ведущих стран мира, в том числе США и Европы и становится уже не их партером по поставке продукции, а прямым конкурентом по развитию высоких технологий.

По сути, это было объяснение того, что не стоит ждать новых «рывков» по цифрам ВВП, так как экстенсивная модель исчерпана, Китай не может, да и не должен быть мировой фабрикой, которая производит лишь массовые промышленные товары для всего мира, а взамен вынужден покупать продукты питания, энергоресурсы и технологии. Это путь страны экономической «полупереферии», когда государство целиком зависит от внешних факторов, например, от объемов экспорта, а чтобы его поддерживать на конкурентоспособном уровне приходится постоянно «давить» цены вниз, дабы не проигрывать конкуренцию более дешевым странам Юго-Восточной и Южной Азии или Латинской Америки. Получалось, что к 2010-м гг. Китай соревновался не с лидерами технологий и мирового развития, а с заведомо более слабыми странами, зато способными противопоставить Китаю те же самые услуги и товары, но по более низким ценам. При этом существование Китая как вечной «мировой фабрики» многих устраивало, в том числе и США, несмотря на дисбалансы в торговле в пользу Китая, так как, по крайней мере, это не угрожало переходом научно-технического лидерства от США к КНР.

Однако пока перейти целиком на «экономику инноваций» не удавалось, к тому же период 2018–2019 гг. показал, что экономика опять растет за счет централизованных инвестиций, особенно в государственные предприятия³⁴.

Сюрпризом развития в 2019 году стала внешняя торговля. Несмотря на торговое противостояние США и КНР, чистый экспорт показал наибольший вклад в рост в ВВП за 12 лет. Но сокращение внутреннего спроса привело к сокращению импорта, так как показатель роста спроса снизился до 4,3 % в годовом исчислении. Меры, направленные на снижение зависимости от американских технологий и стимулирование внутренних закупок китайских товаров, также снизили импорт. В то же время ослабление юаня и снижение цен способствовали росту экспорту, а поэтому совокупное воздействие всего этого и выразилось в увеличении вклада чистого экспорта в ВВП.

Сделка с США изменила динамику торговли: высокие целевые показатели по закупкам в США также должны были способствовать росту спроса на импорт. Общий же эффект должен был заключаться в снижении вклада чистого экспорта в рост ВВП.

Предполагалось, что если Китай продолжит стремиться к достижению своей долгосрочной цели по удвоению ВВП в период между 2010 и 2020 годами (напомним, что 2021 г. – символическая дата, столетняя годовщина основания КПК), это должно потребовать роста в 6,1–6,2 % в 2019 и 2020 годах, но никак не снижения прироста ВВП до 5 % и ниже. А вот после достижения этой цели можно установить и более низкий показатель прироста ВВП, чтобы привязываться не столько к формальным цифрам, сколько к качественной реформе экономики и переводе ее на высокотехнологичные рельсы.

Несмотря на то, что конкуренция на внутреннем рынке Китая заметно возросла, а сам рынок для иностранных компаний перестал приносить столь же высокие прибыли, как это было раньше, Китай все же оставался весьма привлекательным из-за прекрасно отлаженной логистики, одной из лучших в мире бизнес инфраструктуры и, самое главное, возможности произвести все, что угодно, в короткие сроки. Но многим нужны были дешевые кредиты для продолжения работы на китайском рынке. И внешние инвесторы требовали облегчение кредитования бизнеса, многие рассчитывали, что на то, что Китай начнет новый цикл стимулиро-

вания, аналогичный циклу 2015–2016 годов, в ходе которого общий рост кредитования вырос с 12,6 % в мае 2015 года до 20,6 % в ноябре 2016 года. Теперь же инвесторы ожидали, что общий рост кредитования вырастет с уровня в 10,7 % в декабре 2018 до примерно 14,5 % к концу 2019³⁵.

Возрастали и дефляционные риски. Снижение индекса цен производителей, то есть совокупный индекс цен, по которым производители продают свою продукцию (не включая импортные товары) в Китае означал также снижение номинального роста ВВП.

Преодоление ловушки среднего уровня доходов в КНР

К началу 2010-х гг. Китай подошел с заметным удорожанием производства, что поставило вопрос о конкурентоспособности его экспортной продукции. Такое удорожание стоимости производства в Китае произошло по нескольким очевидным причинам. Прежде всего это удовлетворение запроса на повышение зарплат (включая различные виды вознаграждений) и, как следствие, социально ориентированное государство, каковым является Китай, постепенно повышает выплаты. К тому же это дает Китаю возможность войти в число развитых, а не развивающихся государств по оценке ВТО.

Само формирование в Китае среднего класса, причём «ускоренными темпами», создает вызов не только в области совсем иного уровня потребления и запросов, но и приводит к явлению, которое получило название как «ловушка страны по средним уровнем доходов». Сам термин был введен в активный оборот экспертами Всемирного банка в 2007 г., при этом стоит оговориться, что далеко не все исследователи и эксперты разделяют мнение о том, что такая «ловушка» вообще существует как явление, также не очевидно, что она является некой универсальной константой, которая будет воспроизводиться в обществе на определённом уровне его развития. В целом, эта «ловушка среднего уровня» указывает на то, что рост в развивающихся странах может иметь тенденцию к стагнации, которая наступает в тот момент, когда валовой национальный доход на душу населения поднимается выше определенного уровня. Причиной этого является то, что более высокая заработная плата увеличивает и производственные затраты. И как следствие страны, которые не поднимают цен на свою продукцию при увеличении себестоимости, могут «застрять посередине». Это объясняется тем, что они вынуждены конкурировать с другими странами и «новыми экономиками», которые выходят на мировой рынок, у которых затраты на рабочую силу все еще низки по сравнению с развитой экономикой, где наблюдаются уже высокие доходы наряду с мощными инновациями, и, как следствие, растущими доходами на них. Например, в 2010-х многие соседи Китая, в том числе Вьетнам, Индонезия, Малайзия, а также Бразилия, Аргентина, Мексика начали производить продукцию, сопоставимую по качеству китайской, но при более низких затратах.

По сути, проблема в данном случае заключается не в наличии конкуренции как таковой, а в том, что самым очевидным, хотя и сложным выходом из положения оставалось бы сдерживание роста цен на продукцию в Китае, причем пришлось «давить» себестоимость за счет сокращения затрат. По сути, это можно достигнуть за счет использования низкокачественных исходных материалов, несоблюдения экологических норм и производственных стандартов, отсутствия социальных выплат и страховок работникам и т. д. И в конечном счете такой выигрыш в борьбе с конкурентами оборачивался бы постоянным сдерживанием роста самого производства в Китае. Эти тенденции в росте заработной платы противоречат экономической модели, которая стимулировала рост Китая с момента его вступления в ВТО в 2001 году. КНР стимулировала ежегодный рост ВВП за счет внедрения зарубежных технологий, создания на своей территории большего количества заводов и экспорта большой массы товаров в остальной мир. Однако эта парадигма может не сработать. Например, страны Юго-Восточной Азии и Африки к югу от Сахары могут заметно быстрее развить свои собственные конкурентные преимущества в обрабатывающей промышленности еще до того, как Китай в достаточной степени ворвется в передовые отрасли. Другими словами, Китай стоит перед надвигающейся ловушкой среднего уровня доходов, в рамках которой он не сможет ни доминировать в экспорте товаров обрабатывающей промышленности, ни конкурировать в сфере услуг или в технологически инновационных отраслях.

Заработная плата в Китае растет, а рабочей силы становится все меньше, что затрудняет поддержание китайскими фабриками прежнего уровня производства при низких затратах. В

свете этих трудностей Пекин стремится двигаться вверх по глобальной цепочке создания стоимости. Ряд новых тенденций в экономике Китая стимулировали западные кампании активно искать альтернативны и перемещать часть своего производства или операционные офисы за рубеж, прежде всего в страны Юго-Восточной Азии – это оказалось дешевле по накладным расходам. основополагающие макроэкономические тенденции в Китае – рост заработной платы и себестоимости производства, сокращение квалифицированной рабочей силы и надвигающаяся «ловушка среднего уровня доходов» – стимулировали иностранные компании к перемещению производства в другие страны.

В апреле 2018 года Джастин Лин, бывший главный экономист Всемирного банка, заявил, что Китай имеет шансы подняться до статуса страны с высоким уровнем (т. е. 12 тыс. дол) дохода к 2025 году, другие же эксперты предполагают выход на этот уровень не позднее 2025–2027 гг. Есть и те, кто более консервативен в своих взглядах, ссылаясь на структурные препятствия, которые станут тормозом роста Китая. Так, Чан Лю, старший экономист в Capital Economics, утверждал, что «в течение следующих двух десятилетий мы ожидаем, что ВВП на душу населения в Китае вырастет на 70 % – чуть меньше, чем пятикратное увеличение за последние 20 лет, а учитывая, что экономика США в этот период, вероятно, будет относительно успешной, Китай через 20 лет останется намного беднее, чем США. Тем не менее, он, вероятно, просто достигнет статуса высокого уровня дохода по стандартам Всемирного банка»³⁶.

Остаться в рамках старой модели Китай не может, так как по цене проигрывает конкуренцию странам ЮВА, а также Индии, а по технологичности продукции – США, Японии, Корее, странам ЕС. Поэтому основной тенденций 2010-х годов стало перемещение Китая в сферу экономики с более высокой стоимостью производства, но при этом и со значительно более высоким качеством и большей технологической составляющей.

Это оказалось еще одним фактором, который насторожил американских политиков, так как Китай становился прямым конкурентом США в области высокотехнологичного производства, что например, показала популярность на западных рынках гаджетов от Huawei, Oppo и других. Правительство США начало предпринимать шаги по смягчению потенциального вреда и дальнейших потерь для американской экономики.

Как следствие, дилемма для Пекина заключается в том, продолжать ли «давить» себестоимость продукции вниз, делая экспорт конкурентоспособным, но при этом сдерживаясь рост зарплат населения, или перейти в другую «весовую категорию», создавая высокотехнологичную и дорогую продукцию.

Ставя перед собой цель достижения общества «сяокан», то есть общества «разумного достатка», КНР по сути и пытается избежать этой ловушки, но это в свою очередь требует не только стабильного экономического роста, но и заметного повышения квалификации рабочей силы – а сделать это для страны с 1,4-миллиардным населением очень непросто. При нынешней экономической траектории Китая и без значительного изменения в стратегии реформ в сочетании с падением мировой торговли и продолжающимся старением населения представляется вероятным, что Китай может пребывать ещё десятилетие в зоне страны среднего уровня доходов.

Признавая эту экономическую дилемму, Китай решил максимально активно поставить под контроль всю производственно-сбытовую цепочку от создания дизайна продукта и его производства до его поставок на внешние рынки по контролируемым Китаем торговым путям, что стало частью инициативы «Пояс и Путь». С середины 2000-х годов Китай уделяет повышенное внимание «локальным инновациям», то есть локализации своего производства и интеллектуальной собственности в других странах³⁷.

По мере того, как экономическая конкуренция набирала скорость и интенсивность, активизировались и усилия Китая по созданию полностью независимых от Соединенных Штатов

технологических цепочек. После того, как США включили компанию Huawei и ее 68 дочерних предприятий в перечень юридических лиц, против которых водятся ограничительные санкции, усилия Китая по технологическому отходу от Соединенных Штатов только активизировались. Китайские власти приказали правительственным ведомствам удалить все иностранное компьютерное оборудование и программное обеспечение. Это, по сути, было полным отражением усилий США по ограничению использования китайских технологий. Китайские компании также начали устранять из своей продукции американские компоненты, например, из смартфонов Huawei³⁸.

Но в целом же движение к уровню страны с высоким уровнем доходов обозначает еще одну «линию напряжения» с США, так как это ставит КНР в еще более прямую экономическую конкуренцию с США и другими развитыми экономиками, которые предъявляют целый список экономических претензий к Пекину. Китайские компании будут конкурировать за долю рынка в тех же передовых секторах производства и услуг, что и американские фирмы.

Тем не менее, руководство КНР в любом случае намерено продвинуть Китай вверх по цепочке поставок, опасаясь застрять в ловушке со средним уровнем дохода, в которой страны с формирующейся рыночной экономикой теряют конкурентоспособность в экспорте товаров обрабатывающей промышленности, и не имеют шансов войти в сегменты мировой экономики с высокой добавленной стоимостью. Если страны добьются успеха на этом пути, то положение Китая как «мировой фабрики» станет пережитком прошлого и именно это ставит Китай в прямую экономическую конкуренцию с США.

Новый цикл стимулирования экономики

В 2018 г. Китай начал новый цикл стимулирования своей экономики, что особенно проявилось на фоне противостояния с США. Основа этой политики заключалась в максимальном поощрении любой деловой активности, создании новых предприятий частного бизнеса, в том числе и предприятий высоких технологий. В начале 2019 г. налоги на прибыль для малых и средних предприятий были практически обнулены, для крупных предприятий – уменьшены вдвое до 12,5 %, резко уменьшился и НДС. Правительство мотивировало банки выделять кредиты малым и средним предприятиям, а также выпускать бессрочные государственные облигации.

Очень хорошо зарекомендовали в Китае модели СЭЗов и Зон свободной торговли (ЗСТ), к 2019 г. число ЗСТ число расширилось до 18. То есть при стагнации региона или, например, при переориентации его на новый вид деятельности (скажем, с текстильной промышленности на высокотехнологическое производство) быстро создается такая зона с частичным или полным освобождением от налогов, с низкой ставкой по кредитам, мерами государственной поддержки стартапов, с помощью для вывода продукции за рубеж. А освобождение от НДС при внутренней торговле между регионами сразу «раскручивало» рост внутреннего рынка.

Стимулирование потребления виделось одним из выходов из замедления экономики, к тому же в 2018 году на потребление приходилось около 76 % роста ВВП. К тому же с 2011 года рост показателей в секторе услуг постоянно опережал общий рост ВВП. Падение потребления могло сказаться на экономике значительно сильнее, чем капиталовложения или чистый экспорт.

Крайне важной представлялась реформы НДС, и для ее обеспечения еще 1 августа 2016 года Государственная администрация по налогам (в 2019 году она была переименована в Государственную налоговую администрацию) запустила специальную пилотную программу³⁹. Пилотная программа была разработана с целью облегчить использование специальных счетов-фактур по НДС соответствующими налогоплательщиками. Первоначально это позволило мелким налогоплательщикам в гостиничном бизнесе в 91 городе с ежемесячным доходом свыше 30 000 юаней (около 4200 долл. США) или квартальным доходом свыше 90 000 юаней (около 12 700 долл. США) самостоятельно выставлять специальные счета-фактуры по НДС. Затем экспериментальная программа несколько раз расширялась, с тем чтобы охватить более широкую область, включить в нее большее число отраслей, и в настоящее время к ней предъявляются более низкие пороговые требования. В ноябре 2016 года пилотная программа была распространена на гостиничный бизнес по всей стране, в марте 2017 года в экспериментальную схему была включена индустрия аутентификации и консалтинга; в июне 2017 г. – строительная отрасль, в феврале 2018 года пилотная программа была расширена на промышленный сектор, а также на сектор передачи информации, программного обеспечения и услуг в области информационных технологий, а в марте 2019 г. пилотная программа была вновь расширена за счет включения в нее отраслей лизинга и бизнес-услуг, научно-технического обслуживания, обслуживания населения, ремонта и других видов обслуживания. Кроме того, было отменено требование к уровню доходов для мелких налогоплательщиков⁴⁰.

На практике программа действительно принесла удобство миллионам мелких предпринимателей, которым необходимо было выставлять специальные счета-фактуры по НДС своим клиентам (до этого они выставляли обычные счета-фактуры, как любое большое предприятие).

К тому же мелкие налогоплательщики с месячным оборотом не более 100 000 юаней (около 14 000 долл. США) с января 2019 г. освобождались от уплаты НДС. Для малых предприятий с годовым налогооблагаемым доходом, не превышающим 1 млн юаней (ок. 140 тыс. дол), из налогооблагаемого дохода вычитается 25 % от налогооблагаемого дохода и платится

20 % от ставки корпоративного подоходного налога; Для малых предприятий с годовым налогооблагаемым доходом, превышающим 1 млн юаней, но не превышающим 3 млн юаней (до 420 тыс. дол), из налогооблагаемого дохода вычитается 50 % от налогооблагаемого дохода и выплачивается 20 % от ставки корпоративного подоходного налога. В целом, оказывалось, что большая часть малых предприятий была просто освобождена от налогов, а для другой части их уменьшили более, чем в половину⁴¹.

Под эти меры подпадало подавляющее большинство малых и средних предприятий Китая, которым было достаточно соответствовать трем условиям: доход, не превышающий 3 млн юаней; численность работников, не превышающая 300 человек; общий объем активов, не превышающий 50 млн юаней (ок. 700 тыс. дол).

Реализация этих мер были продолжены и в 2020 г. Так 7 мая 2020 года Государственная налоговая администрация Китая и Министерство финансов объявили о продлении политики льготного НДС для мелких налогоплательщиков до 31 декабря 2020 года. При этом для налогоплательщиков, пострадавшей от вспышки коронавируса провинции Хубэй, к которым до этого применялась ставка НДС в 3 %, вообще были освобождены от налога, за пределами провинции Хубэй – уменьшена до 1 %⁴².

Стратегия была очень разумной, учитывая, что частные компании, как правило, в среднем более эффективны, чем государственные предприятия, а поэтому направление большего объема капитала в частный бизнес естественным образом повысило эффективность экономики. А вот предоставление кредитов госпредприятиям всегда было проблемой в Китае. В долгосрочной перспективе использование административных мер, направленных на то, чтобы подтолкнуть банки к предоставлению большего объема кредитов малым и средним предприятиям по ставкам ниже рыночного клирингового уровня, очевидно, не являлось оптимальным способом кредитования, но на короткий срок создало новые стимулы. Уже в декабре 2018 совокупный рост кредитования увеличился на 10,7 %, а предоставление банками займов выросло до 13.5 % (самый высокий показатель с 2016 г.), что отражало замедление темпов снижения роста экономики. К тому же это означало снижение сектора очень популярного в Китае «теневое банкинг» и перекачку активов в прозрачные для государства легальные каналы оборота денег⁴³.

«Выход вовне» в конце 2010-х

Важнейшей стратегией Китая, начиная с 2008–2009 гг., являлся активный выход за рубеж и перемещение туда своей промышленности и капиталов. Идея была проста и изящна: если себестоимость производства товаров и услуг внутри Китая растет и эти товары становятся неконкурентоспособны по цене, то имеет смысл перестраивать саму стратегию – напрямую выходить на иностранные рынки и именно там создавать производства или заходить в непромышленные, финансовые сектора. Внутри Китая увеличение средних зарплат, внедрение системы пенсионного обеспечения, социальных отчислений, большие национальные инфраструктурные проекты увеличивали себестоимость производства практически любого товара, а поэтому китайское руководство, во-первых, активно вывалило активы за рубеж в виде инвестиций, покупая наиболее перспективные предприятия, а, во-вторых, увеличивало присутствие Китая в активах международных банков.

По данным Министерства торговли КНР, в 2014 г. объем прямых исходящих инвестиций Китая впервые превысил объем прямых иностранных инвестиций (FDI). Впрочем, показатели ODI могли быть существенно искажены из-за присутствия офшорных посредников, таких как Гонконг и налоговых убежищ в Карибском бассейне, на которые приходилось около 70 % от общего объема потоков и запасов ODI в Китае в 2013 году. Именно тогда Европа стала выходить на второе место в качестве получателя китайских инвестиций, в то время как первое место оставалось за странами Азии. По экспертным оценкам, доля Азии в ODI упала с 70 % до 50 %. Европа же превращалась из относительно скромного получателя ODI (в 2013 году общая доля акций составляла 8 %, а общий объем потоков – 6 %) в важного партнера с долей 19 % от общего объема акций и 17 % от общих финансовых потоков в 2015 году⁴⁴.

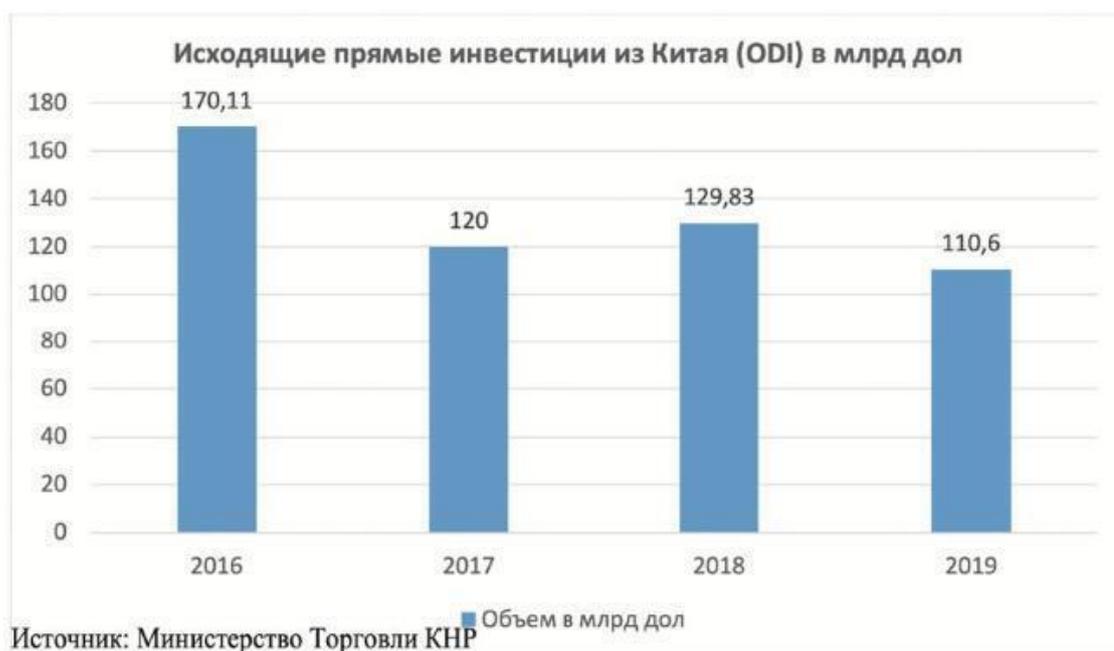
Большая часть инвестиций шла в рамках инициативы «Пояс и Путь», причем пик был достигнут в 2016 – тогда прямые нефинансовые исходящие инвестиции выросли на 44,1 % в годовом исчислении и составили 170,11 млрд долл. По данным Министерства торговли, китайские компании инвестировали в 7961 зарубежное предприятие в 164 странах и регионах. В 2016 году общий объем инвестиций, направленных в страны, участвующие в инициативе «Пояс и Путь», составил 14,53 млрд долл⁴⁵.

Затем началось стремительно падение: китайские исходящие инвестиции (ODI) резко упали со своих максимумов, в этой области Китай в 2017 году потерял 29,4 % – самое большое падение с 2003 года. Китайские инвесторы потратили в 2017 г. в общей сложности 120 млрд долл. на 6236 предприятий из 174 стран и регионов⁴⁶. За этим в 2018 г. последовал скудный рост – нефинансовый индекс прямых иностранных инвестиций Китая вырос на 0,3 % на общую сумму до 120,5 млрд дол, хотя прямые иностранные инвестиции Китая все же выросли на 4,2 % в годовом исчислении и составили 129,83 миллиарда долл.⁴⁷

Затем последовало еще одно падение в 2019 г. – прямые исходящие иностранные инвестиции Китая сократились на 8,2 % до 110,6 млрд долл. В юанях общий объем ODI Китая снизился на 6 % до 807,95 млрд юаней в 2019 году. При этом прямые иностранные инвестиции в Китай продолжали расти и выросли на 5,8 % по сравнению с 2018 г., составив 941,5 млрд юаней (136,71 млрд дол) – это самый большой рост с 2017 г., когда они выросли на 7,9 % в юанях⁴⁸.

Как видим, несмотря на разговоры о падении привлекательности Китая, инвестиции из-за рубежа в Китай продолжали расти, так как Китай заметно увеличил привлекательность своего рынка для иностранных инвесторов, в частности, резко сократил области, запрещенные для инвестирования иностранцами. Но при этом исходящие инвестиции продолжали падать и в 2019 г.

Это абсолютно не сочеталось с представлением о Китае как о крупнейшем и притом агрессивном внешнем инвесторе, но Китай, как всегда, внимательно продумывает свои шаги и учиться на своих же ошибках. Китай 2017 г. с начал сокращать «нерациональные инвестиции», при этом меняя области для вложения своих средств. Так, по данным Министерства торговли КНР, инвестиции в основном направлялись в лизинг и бизнес-услуги, обрабатывающую промышленность, розничную и оптовую торговлю, а также горнодобывающую промышленность. При этом практически полностью исчезли инвестиции в новые проекты в сфере недвижимости, спорта и развлечений, которые стали рассматривать как «нерациональные». Таким образом, Китай стал по-другому приоритизировать саму стратегию инвестиций: надо идти в стратегически важные области, которые позволяют в дальнейшем контролировать целые области мировой экономики. Откат нефинансовых прямых иностранных инвестиций Китая в последние годы последовал за дальнейшим усилением контроля за перемещением капитала за границу. Очевидно, что массовый рост прямых иностранных инвестиций в Китае зашел в тупик после ряда изменений в политике и строгого контроля над капиталом.

С региональной точки зрения изменения еще более существенны. В 2018 году китайские ODI в Северной Америке и Европе сократились на 73 %, при этом общий объем ODI на двух континентах составил всего 30 млрд долл. по сравнению со 111 миллиардами в предыдущем году. Это несколько было смягчено увеличением ODI в страны-участники инициативы «Пояса и Путь» которые увеличились на 8,9 %.

Рост зарубежных расходов Китая начался после его вступления во Всемирную торговую организацию в 2001 году, что значительно ускорило экономический рост страны и количество денег, которые она имела для дальнейших инвестиций. Что является одним из самых удивительных сдвигов в истории экономики, Китай превратился из 23-го в мире в рейтинге ODI в 1999 году с 27 миллиардами долл. США и стал вторым по величине источником ODI в мире после Японии в 2016 году с 196,2 миллиардами долл. США⁴⁹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.